

НЕЛЛ УАЙТ-СМИТ

ВСЕ О ЖИЗНИ
ЧАЙНЫХ ДРАКОНЧИКОВ

Нелл Уайт-Смит
Всё о жизни чайных
дракончиков
Серия «Машины Хаоса»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49788903

Всё о жизни чайных дракончиков:

ISBN 978-5-6046114-9-4

Аннотация

Эта история произошла в городе Золотые Кроны, где все живые организмы наполовину механоиды, а у каждого уважающего себя любителя чая имеется свой чайный дракончик, без которого чай – не чай, а так. Всё начинается с того, что с закрытием одной чайной один чайный дракончик остаётся без работы.

Книги Нелл Уайт-Смит бесконечно сравнивают с произведениями Терри Пратчетта, но в то же время они разительно отличаются. Вас ждёт уютная история с неоднозначными героями, теплым повествованием и узнаванием себя на каждой второй странице. Ведь всё, что происходит в столь волшебном мире, может произойти с каждым из нас. И каждый из нас ищет своё призвание. Как чайный дракончик.

P.S. Плед усиливает впечатление от книги на 43,26%

Содержание

Глава первая: про чай	5
Глава вторая: про чай	17
Глава третья: про чай	28
Глава четвертая: про чай	42
Глава пятая: про Чай	51
Глава шестая: про чай	62
Глава седьмая: про чай	74
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Нелл Уайт-Смит

Всё о жизни чайных дракончиков

Посвящается моему сыну

Сергею Жирнову,

*который придумал чайных дракончиков, не зная,
что до него их придумал кто-то другой, да еще и
не один раз, и это стало для всех нас небольшим
уроком.*

Глава первая: про чай

Всем давно известно, и всем, кто читает эту книгу, это известно тоже – что вся жизнь чайных дракончиков заключена в чае. Собственно, о ней больше ничего и не нужно знать. Конечно, такие големы, как чайные дракончики, ничем не отличаются от вас лично или иных живых существ – мы также глубоко чувствуем, также погружены в дело, которым увлечены, то есть в чай, в прямом и переносном смысле слова. О, и если бы я мог одним только словом или единственным метким предложением дать исчерпывающее описание чаю, я не стал бы рассказывать вам мою историю, но так уж сложилось, что я не могу раскрыть сути чая столь емко.

Да, жизнь чайных дракончиков – это, конечно же, чай, а чай для чайных дракончиков – это сама жизнь, но что есть чай? Что в действительности таит в себе этот напиток? Описывая глубину и яркость сорта, раскрывающего в чашке свой глубокий многоплановый аромат, мы этими же словами переносим на литературный язык весь мир каждого, через чьи руки прошла заварка – в буквальном смысле и в метафоричном: каждого, кто наполнил легкие поднимающимся от карей глади паром и кто небом коснулся этого бархатистого насыщенного настоя. Любая жизнь – это чай. И любой чай – это жизнь, я никогда не уступлю никому в споре на эту тему. Вы, возражая в этом умозрительном противостоянии,

возможно, скажете, что можно жить, и не вкушая чая, а я отвечу, что можно жить, и не вкушая жизни. Только оглянитесь вокруг, и вы увидите огромное число примеров!

Знайте, что быть чайным дракончиком – значит, растворить себя в чае. Вся суть нашего существования заключается в безмятежной дреме на дне чайной чашки или заварочного чайника. В это время мы, непрерывно поддерживая в этом восхитительном напитке температуру, сохраняем нежной в неизменности все тонкости цвета и вкуса, равномерно распределяем сладость тающей карамели. В эти великолепные минуты синергии мы без всяких сомнений держим на своих плечах всю громаду цивилизованной культуры. Мы несем ее бремя. Культура города абсолютно и безапелляционно равна культуре потребления чая: где нет чая, там и цивилизации нет, и взяться ей в этом диком краю, очевидно, неоткуда.

Словом, именно неспешное течение жизни, именно полная длящаяся гармония с прекрасным и определяет собирательный портрет хорошего чайного дракончика – голема гордого, степенного и обаятельного в своей благостной выскомерности.

Нехороший чайный дракончик, напротив, нервно топчет-ся на полке с посудой, тревожно бросая взгляд на дверцу серванта и ожидая, что она вот-вот отворится и его позовут. Позовут к работе по назначению: спокойствию и гордости. Спокойствию и гордости.

Я – топтался. Но нет, нет-нет, не потому, что я плохой

дракончик. Я отличный, я буквально эталонный чайный дракончик, но в последнее время дела мои шли таким незавидным образом, что, безусловно, будучи преисполненным самоуверенности, я тем не менее нервничал и топтался, увы. Я неустанно перемещался из одного конца полки в другой, петлял по неровной траектории вокруг стопок из блюдец и сложенных одна в другую кругом чашек, оглядывался при каждом шорохе, оказываясь на самом краю настоящей паники, но все потому, что я отличный чайный дракончик. А чайные дракончики не любят переезжать.

Ох, наше призвание – это безмятежность! Это тихая поступь снега за сверкающим в фонарном свете окном, трогательные вечера в музыкальной гостиной, чтение любимой книги в мягком устланном пледом кресле. Это негромкие философские беседы, это укрытые большой теплой ладонью изящные пальчики тонкой кисти... это шоколад! Обязательно шоколад со специями в помадке из далеких неспящих городов. Карамельные узоры на молочной пенке и рыжий локон, случайно выбившийся из прически и оттенивший белоснежные зубы в искренней доброй улыбке... встретившие взгляды, кроткое прикосновение, а потом – чай! Ну, конечно же, чай.

Напиток, не терпящий спешки и невнимания. Никто не пьет чай во время суматохи переезда! Переезд совершенно исключает всякий чай! Переезд убивает спокойствие!

Я остановился и прислушался: мне показалось, что рука

хозяйки зала легла на ручки серванта.

– Вот, так и замрите.

Мне просто показалось. Я опустил голову, стараясь не отдаться непрошеному приливу острых эмоций, и поднял взгляд на коллегу. Тот, прервав дрему на блюдечном пьедестале у подножия закрепленной бульотки, сдержанно, но с должной настойчивостью в голосе повторил для меня:

– Так и замрите. Вы мешаете мне отдыхать.

Я подавил в себе вздох восхищения: его спокойствие перед неумолимыми переменами поражало! Я испытал безмолвную гордость, которую счел за лучшее сразу же выразить:

– Мне повезло работать с вами, – сказал я тихо, замерев, – и ведь эти простые фразы – первые слова, какими мы обменялись за все десять лет работы здесь, в кафе «О вновь найденном». Так пусть же они будут именно словами уважения и взаимной гордости. Я осознал, в каком прекрасном коллективе мне удалось провести это время. Пусть нас разлучает жизнь, мой дорогой коллега, но я всегда буду помнить о ваших неоспоримых достоинствах.

– Держите впредь свое мнение при себе, – коротко бросил он, и на этот раз я восхищенный вздох подавить не успел. Впрочем, этот вздох тут же встал у меня в горле комом горечи.

Теперь, когда кафе закроется, я все потеряю. Конечно, я понимал, что со временем все образуется, но как именно –

не представлял совершенно. Владельцы кафе, гонимые поднимающейся арендной платой, переезжали в другой город, в этом помещении собирались открыть новое заведение, возможно, магазин. Мне, согласно правилам, предлагали назначение и по новому месту открытия «О вновь найденном», и по новому заведению в помещении бывшего кафе. Я решительно, не предаваясь лишним размышлениям, отверг оба предложения.

Я даже думать не желал о том, как буду трястись две недели в поездах с четырьмя пересадками без надежды на собственную точку душевной опоры. Я знаю, что в поездах пьют чай, и я знаю, что есть талантливые поездные дракончики. Эти безусловные мастера умеют ловить мгновение кроткой покорности судьбе вместе с лучом заходящего солнца, скользкого по закругленному ободку стакана, мерно дребезжащего в своем серебряном доспехе-подстаканнике. Я знаю, что они – великие вдохновители безмятежности, запертой в поэтике вечного движения, но не я, не я!

Я знал с той редкой степенью интуитивной несомненности, что не справлюсь с таким жестоким и далеким путем, что получу травму, что навсегда останусь с грузом непереносимой пустоты внутри. Нет, я не мог, не мог поехать вместе с кафе. Я остался в Золотых Кронах.

Что именно будет открываться в помещении «О вновь найденном», окончательно еще не решили, но мне сказали, что Центр предоставил на рассмотрение дому несколько за-

явок об открытии «карманных» баров. На собеседованиях меня попробовали убедить в том, что уютное заведение под окнами, где в любое время суток угощают авторским пивом, понравится жителям улицы ничуть не меньше кафе-кондитерской и отсюда никуда не уйдет чай. Но уж во что, во что, а в сказки о том, что со сменой формата может остаться неизменной атмосфера я, конечно, не верил. Точнее... тот неуловимый оттенок собственной души дома, та легкая поволока, дымка, та вуаль, что и позволяет нам молча наслаждаться моментом – слышать протяжную светлую нотку нежности внутри себя, отдыхать душой... она возможна только при наличии всех составляющих интерьера, меню и персонала, только так. О нет, нет, эта определяющая толика волшебства никак не могла сохраниться со сменой формата.

В чайнях эта мистическая блеска есть неизменно. В кофейнях – почти всегда (существуют исключения, когда напитки в них продают только на ход ноги, в этих мерзких теплосберегающих стаканах). А вот в отношении баров и ресторанов – как знать, тут все зависело от мастера заведения, хозяев зала и чайного мастера. Я же никого из нового заведения по понятным причинам знать не мог и потому не решился согласиться не глядя.

Далеко в будущем я планировал открыть собственное заведение: я много и часто думал о нем, откладывая деньги на аренду, и даже иногда с ленцой просматривал рынок помещений ближе к центру города, но пока мне еще не достава-

ло средств на толковое открытие, а кое-как я делать не собирался. Я...

– Пожалуйста, – процедил сквозь зубы мой коллега, с каждым звуком давая понять, насколько сурово я истязал его своей топотней, снова (совершенно невольно!) поднятой, стоило лишь мне уйти в свои мысли.

Я присмирел. Устыдился безмерно. Прижал гребень, скорбно улегся на холодный металл полки и положил морду на скрещенные лапы. Я хотел в чай. Очень, очень хотел внутрь чая. Но последний напиток «О вновь найденном» уже подало! Двери закрыты навсегда, а чайные и кофейные машины уже наверняка паковались для долгой дороги. Сотрудники уходили на новые назначения и...

До меня донесся звук шагов. Я встрепенулся, и в этот же момент дверцы шкафчика отворились. Хозяйка зала позвала меня, постучав по полке. (У чайных дракончиков нет literalной части имен, только номенклатурная, поскольку позвать нас, когда мы внутри чая, приложив одни лишь вокальные усилия, почти невозможно. В то время как стук по стенкам сосуда мы воспринимаем прекрасно.)

Итак, меня позвали на назначение.

Я отвернулся к стене. Я не пошел. Я не знал точно почему, но очень отчетливо чувствовал, что все очень плохо. Что мне не понравится новая работа, что я ошибся и следовало соглашаться на бар. Ладно уж – нашел бы я там какую-никакую частичку чарующей неги и толику хрупкого волшебства. Но

меня позвали второй раз, и оставаться погруженным в свою печаль представлялось совершенно невежливо.

Тяжело поднявшись на лапы, сокрушаясь от каждого мельчайшего шороха, что производили при соприкосновении друг с другом мои чешуйки-насытителы, я горестно поплелся к краю.

Меня звала низенькая, но ладненькая для своих преклонных лет госпожа Гейраанн, мастерица кафе. Она ласково улыбнулась мне и подставила огрубевшие от прожитых лет ладони, чем заставила волну отчаянья у меня внутри взметнуться до предела. Я не стерпел и отвернулся опять.

– Если мне не понравится новое назначение, то я все равно откажусь, – напомнил ей я, – и не думайте, что это «третье – значит, по судьбе» работает. Это просто поговорка, суеверие!

– Так говорят потому, – мягко укорила меня мастерица, улыбнувшись с некоторой долей особенного кокетства, доступного только добрым старушкам в чепцах, – что третье назначение – обязательное, пока тебе не подберут место работы по вкусу. Ты же умрешь без чая, мой дружок. Третье – по судьбе.

– Я не соглашусь на эту работу, нет, – обратил я к ней вопль отчаянья своей драконьей души. – Все неправильно, следовало мне ехать с вами куда глаза глядят или оставаться здесь, с баром. Я думаю, что все же останусь с баром. Пусть будет бар!

– Здесь не будет бара, мой родной, – доверительно сообщила мне госпожа Гейраанн, – здесь откроют модный салон женских платьев и чай подавать не станут, только игристое.

Я ощутил острый приступ экзистенциального страха, какой, наверно, испытывают перед прыжком в ледяную воду.

Воспользовавшись этой заминкой, госпожа Гейраанн аккуратно взяла меня в руки и бережно поставила на прилавок, показавшийся мне совсем пустым без милых крохотных разноцветных безе, обычно расположенных перед ликровой заводью, где расплачивались клиенты. И я, вместо того чтобы посмотреть на механоида, пришедшего за мной, порывисто оглянулся назад, на зияющие холодом глазницы витрин, еще недавно заполненные банками с ароматными чайными купажами.

– Холодно так за окном, но говорят, что если уж снег пошел, то станет полегче, – улыбнулась госпожа Гейраанн, обращаясь к кому-то поверх моей головы. – Знаешь, мы убрали еще не все машины: сделать тебе чаю в дорогу, милый?

– Да! – воскликнул я, потому что больше не мог находиться вне чая. Одновременно с этим я обернулся на своего нового нанимателя и молча лег на прилавок от слабости в лапах.

Лица его я не разглядел, как и не услышал ни его радостного согласия угоститься, ни смущенного лепета мастерицы Гейраанн, нахваливавшей мои деловые качества. Все это пролетело мимо меня, я даже с чувством мрачного узнава-

ния смерил взглядом ужасный, гробоподобный термосберегающий стакан, в который мне скоро предстояло залезть.

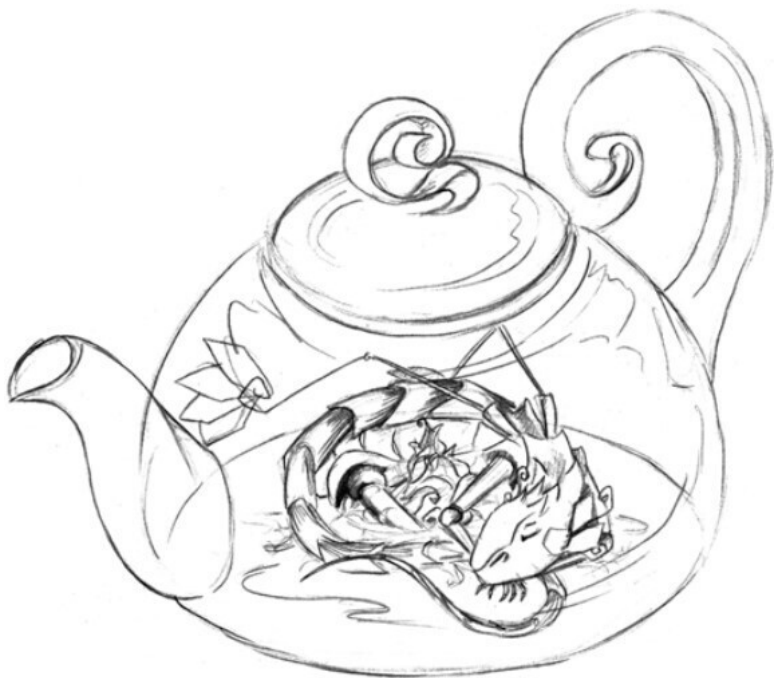
А все потому, что на куртке пришедшего за мной паренька я увидел логотип стадиона и рядом – эмблему одной из довольно известных легкоатлетических команд, чьего витавшего то и дело на слуху названия я, само собою, не помнил.

Стадион! Мне дали третье, то, что, как говорят, «по судьбе», назначение в эту обитель бессмысленности и суеты. Где мне предстоит коротать часы своей жизни? В грязной передвижной палатке для болельщиков, где мне придется насыщать чай в огромном бездонном, бездушном баке кипятка? В этой мерзкой, до чесотки мерзкой, кафешке, штурмуемой во время перерыва пьяной толпой, требующей себе неясный компот из перенасыщенной заварки, именуемой там чаем, чей некачественный заварной купаж будет забивать мои внутренние механизмы и нежные чешуйки? О, Сотворитель, я стану неухоженным, больным... я состарюсь на две сотни лет за один месяц – я слышал, слышал, как это бывает! Меня ждет гибель, мучительное, растянутое во времени умирание души, за которым последуют болезни тела и тоска души, черная, из какой невозможно вернуться.

Или... меня станут сдавать в аренду. Вот в эти вот стаканы-гробы, чтобы какая-то толстая барышня или слюнявый ребенок прихлебывали, пуская туда текущие на морозе сопля... Я скоро умру. Меня предали смерти.

– Эй, дружок, далеко ты собрался? – спросил меня, взяв

в ладони, парень как раз в тот момент, когда, перебирая лапами изо всех сил и низко стелясь брюшком к столешнице, я уже почти добрался до края стойки. – Поверь, у тебя будет лучшее назначение на всей черной и белой земле!

Я рванулся, сражаясь за жизнь, я укусил его, но в итоге все равно оказался внутри стакана. Я крикнул, еще в полете, что это похищение, что это противозаконно, что я буду жа-

ловаться в Центр!

Но вот мгновение агонии прошло, и меня принял в свои объятия хранивший тепло родного кафе, насыщенный трогательными воспоминаниями о чередке мягких вечеров напитков, сделанный на прощание госпожой Гейраанн. С первым же вздохом я по привычке аккуратно пропустил через себя чай с нежной, кроткой заботой и чопорной щепетильностью. Мои насытительные чешуйки по простой привычке движений, без моего внимания, а потому со стоящей выше моих истощенных душевных сил заботой обо мне самом нагрелись, вобрали в себя небольшую часть напитка и выпустили его назад, в стакан, словно приласкав этим мое последнее воспоминание о доме.

А потом я понял, что это в последний раз – этот чай во круг, этот знакомый выбор воды и этот почерк мастерицы в прогреве стенок чашки: все уходит, все это невозвратно! Крышка-непроливайка надо мной закрылась.

И я заплакал, потому что больше не мог терпеть растущее отчаянье; потому что, оставшись в полной темноте, мог себе это позволить, и отчасти оттого, что входящая в моду зимняя чайная карамель еще не проникла на массовый рынок, а мне уже не терпелось попробовать насыщение с солеными полутонами.

Глава вторая: про чай

Наружу из термостакана меня позвали быстро, не прошло и получаса. Напиток к этому времени остался благодаря моей заботе совершенно неизменным, и испивающий его высоко бы оценил мое мастерство, если бы, конечно, этот самый испивающий хотя бы раз чай попробовал! Но паренек, для которого приготовили этот уникальный напиток, даже не пригубил. Пусть бы из праздного интереса. Это обижало и раздражало меня.

Когда я услышал сначала нестройный, не несущий в себе никакой информации стук по стенке, только со временем более-менее обозначившийся в мое имя, я лежал на дне стакана, добросовестно сложив лапы и выправив идущий по хребту гребень строго на северо-запад. Я, когда меня позвали, выполнил свои обязанности как следует, хотя и чувствовал, что действия эти бессмысленны. Впрочем, возможно, это была (с технической точки зрения) моя самая лучшая работа за всю жизнь, поскольку ни до, ни после этого ужасного вечера ни один напиток от приготовления до исчезновения не остался в своем совершенно – до сотой доли градуса, до десятой единицы насыщенности – неизменном виде.

Итак, после того, как меня позвали, а крышку, вопреки технологии использования термосберегающих стаканов, открыли полностью, я послушно вскарабкался по стенке вверх

и вынул из чая голову, уповая на то, что горячий напиток сэкономит меня от любых термических повреждений шкуры. Кстати, я совершенно, совершенно не мог полагаться на то, что там, на этом новом, чуждом мне назначении, найдется хоть кто-то, кто позаботится о моих нежных внутренних механизмах, требующих частых технических обслуживаний.

– Вы... видели когда-нибудь снег? – спросил меня экзальтированный юноша.

– Почему вы не пьете чай? – строго спросил я его, сверкнув при этом глазами, и злился я вовсе не в шутку.

– Ну, я... – замялся молодой механоид и далее, вследствие сказанных им слов, исчез из моей жизни, перестал быть мною воспринимаем, приравнял себя к пустому месту, ведь шедевр госпожи Гейраанн он воспринимал исключительно как спецжидкость для транспортировки меня, а все потому, что... Он. Не любил. Чай!

– Вы... что, вы не любите чай? – переспросил я, не вполне веря ушам.

– Наверное, не в той степени, чтобы вы оставались довольны, однако я все равно хотел бы... – он запнулся о мой ставший совершенно ледяным взгляд, но преодолел это мимолетное оцепенение, отдав знак внимания в сторону чего-то за моей спиной, – показать ваш новый дом. Я часто прихожу сюда, чтобы посмотреть на стадион с высоты. Это удивительное зрелище, потому что стадион очень красивый.

Я вздохнул, повернул устало голову и подобрался к дру-

гой стенке стакана, только чтобы сделать вид, что оценил это бестолковое здание. Юноша замолчал. Я направил взгляд туда, вниз по холму, на залитый ночными огнями город и... я мог вернуться? К работе? Мог ли я теперь?..

Итак, перед моими глазами предстал стадион. Огромный и дурацкий овал, мрачно нахохлившись, громоздился посреди равнинной части города. Блямба, нарушавшая собой идеальный пейзаж, составленный ладными ровными восьмиугольниками жилых домов. Какой бы красивый получился пейзаж из аккуратных оранжевых крыш и верховых магистралей без этой дурынды в центре!

– ...И вот я подумал: а вдруг вы никогда раньше не видели вблизи снег, – выразил бессмысленную мысль юноша.

Я сообщил ему:

– Видел.

– Я понимаю, что сейчас вам неудобно и даже, возможно, неприятно думать о вашем новом назначении по работе, но не стоит беспокоиться: судьба ваша у нас сложится как нельзя лучше, и вы бесконечно полюбите девушку, на чье благо мы наши совместные усилия и соединим.

– Так, давайте отсюда подробнее, – я обернулся на него, оставляя вне поля зрения убогое зрелище нарушенной городской архитектуры. – Меня купил не стадион?

– Нет, – ответил молодой механоид почти смущенно, – у вас назначение ко мне лично.

– Что? – не полностью осознал я соль злой иронии. – Ты

купил целого чайного дракончика себе одному?!

– Ну не совсем одному, но в целом, с точки зрения Центра, да, – озвучил этот непонятный молодой механоид какую-то феерическую фантазмагорию.

Я присмотрелся к нему и уточнил:

– Да ты хоть представляешь, сколько это может стоить?

– Ну... почему «представляю»? Я точно могу сказать, я же уже четыре месяца ничего не ел, – сказал парень, отдав мне знак неопределенности, а потом добавил, видимо, чтобы я за него не волновался: – Ну, в смысле из еды не ел.

Я зловеще сузил глаза и низким, граничащим с рыком голосом сказал:

– Угол восемьдесят третьей и двести тридцать второй улицы, второй этаж, вход с двести тридцать второй напрямую.

– Но я не планировал... – глуповато начал отказываться он, и я, прежде чем нырнуть назад на дно вытянутого, словно изображавшего из себя морскую впадину, термостакана, приказал:

– И пей по дороге чай!

До места мы добирались недолго. Мой странный и, нужно думать, здорово похудевший за последнее время, если судить по одежде, наниматель доверительно выпустил меня, наклонив стакан, чье содержимое этот недоумок, само собой так и не выпив, предварительно аккуратненько вылил в раковину.

Я выбрался, убедился, что нахожусь в интерьерах одного

из самых моих любимых заведений «Об алом и аромате», и успокоено выдохнул: мне нравилась здешняя атмосфера, и если уж пытаться в моей ситуации обрести твердую почву под лапами, то начинать следовало именно отсюда.

Обставлено, нужно признаться, здесь было довольно бедненько, что иногда отпугивало посетителей: стены так и остались от прошлого рюшечного кафе в салатových с белым моющихся обоях в мелкую вертикальную полосочку, которая то тут, то там прерывалась медальонами с изображениями воздушных шаров, дирижаблей, атласных лент и дамских шляпок. Помешанный на санитарии хозяин содержал эти умильные картины в сияющей чистоте, и потому те выглядели в соседстве с брутальными столами, чьи рифленые металлические столешницы имитировали пол какого-нибудь металлургического завода, потрясающе неуместно. Столы, к слову, хозяину нравились и, как сейчас помню, влетели в немаленькую сумму.

Сейчас, празднуя нежную поступь восходящей в зенит зимы, по стенам, скорее оттеняя полумрак, чем разгоняя, горели разномастные, непонятно к чему – к мебели или стенам – подобранные светильнички с газовыми рожками. Они пытались чествовать сонную негу морозных вечеров красными, зелеными, фиолетовыми ореолами света, исходящего от цветного стекла абажуров. Трубы, подводящие к ним газ, отчаянно стараясь спасти гармонию зала истовым сочетанием со столами, тянулись прямо по внешней стене, слег-

ка скрадывая обои. Однако, разглядев убранство стен всего однажды, забыть о нежных беленьких солнышках, облачках и ленточках было уже решительно невозможно, они навсегда отпечатывались в сознании. Я ругал эту бессмысленную эклектику вслух, нежно о ней вспоминая в одиночестве.

– А зачем мы здесь? – спросил юноша.

Я сообщил резким тоном:

– Поесть.

– Но у меня...

– Смотрите, кого мы здесь видим! – воскликнула хозяйка зала.

Я приветливо, если не радостно расправил гребень, повел длинными усами и подался к ней, пробежав по тронутой декоративной суровой ржавчиной поверхности стола:

– Добрый вечер, госпожа Аннайранн, здесь мастер Вайерр?

– Ага! Я позову сейчас. Что подать с кухни, пока вы ждете?

– Чего-нибудь посытнее тому бледному юноше за мой счет, пожалуйста, и на нас всех – чайничек «Золотого восхода» с последней в том году отправки из Седого Неба.

– А он еще не пришел, – грустно надув губки, расстроила меня молодая хозяйка. – Выберите из прошлой поставки. Все еще осталось «Хождение за Луной» из Шепота-на-Плетистой, вторая отправка прошлого года. Ну, как вам?

– Ладно, – разрешил я, – а что, скажи, старик Вайерр так

распустил свое пузо, что теперь можно успеть поесть, пока он пытается протиснуться между стеной и столом в своем кабинете?

– Вы о моем начальстве лишнего не придумывайте, – улыбнулась хозяйюшка, отдала нам игривый знак скорого свидания и удалилась передавать на кухню заказ.

– У вас есть здесь счет? – спросил меня юноша, как только она повернулась к нам обоим спиной.

– У здешнего владельца ко мне неоплатный долг. Без меня он бы давно разорился.

Мой новый хозяин открыл уже рот, чтобы спросить опять какую-нибудь глупость, но к нам успел подойти Вайерр собственной персоной, ну, точнее, сначала подошел собственной персоной его необъятный живот и только уже потом – он сам. Его широкие, хотя далеко не из-за мышечной массы, плечи скрыли от меня вид на вечно закрытую дверь – еще один памятник здешней мешанины в интерьерах: она вела в неарендуемое Вайерром помещение, потому он не имел права менять ее, канцелярскую и неуместную каким-то совершенно иным, по сравнению с обоями, третьим типом неуместности.

– И кто это тут ко мне пожаловал? – радушно спросил хозяин, даже не заметив присмирившего паренька. – Неужели мой невообразимо дорогой консультант?

– Ты знаешь, что платишь мне всего треть от того, сколько бы следовало, найми ты меня здесь на назначение, – на-

помнил ему я, вскарабкавшись на верх лежащего на столе стакана и степенно сложив на нем лапы. – Ты ведь осведомлен, что мое прежнее место работы закрылось и я оказался на свободном рынке труда?

– Конечно, я осведомлен, что город больше не расширяется и помещения становятся все дороже и дороже, – ответил владелец заведения, – но, знаешь ли, у меня тут мясной ресторан, а не чайня, так что дракончик заведению не по карману...

– Мясной? – переспросил юноша, уставившись мимо обрамленной донельзя жидкими кудрями головы мастера Вайерра на трогательно плывшие в салатových вензелях дирижабли. – Здесь подают органическое мясо?! Что, настоящее?

– Вот, учись, – сказал я, с важным видом отдав знак внимания в сторону паренька, которому как раз подали что-то из приготовленных на живом огне, а значит, тающих на языке блюд, составлявших настоящую гордость толстяка-мастера, – как нужно распоряжаться деньгами: этот милovidный юноша, кроме нюха на верные денежные вложения, не обладающий никакими иными талантами или преимуществами, потратил все свои сбережения и зарплатные кредиты года на полтора...

– На три! – поправил меня, чуть при этом не поперхнувшись, объект моих восхвалений.

– На три года, – торжественно продолжил я, – во имя того, чтобы приобрести контракт вашего покорного повество-

вателя и как следует заняться познанием науки чая, коя, безо всяких сомнений, выведет его из нищеты вкуса и мрака стадионных подтрибун к сиянию прекрасного, отличной карьеры и успеху в женском обществе.

– Малыш, – попытался проникнуть умом в ситуацию Вайерр, – ты что, действительно потратил все свои деньги и влез в долги, чтобы купить профессионального чайного дракончика?

– Уу, – ответил тот, даже не подняв головы от тарелки.

– Тут, к слову, очень серьезная ситуация. И ее надо обдумать на все три головы, – подытожил я, вводя хозяина мясного дома во вторую часть своего рассказа. – Дело в том, что речь во всей этой несколько необычной истории идет о внимании некой особы...

– Вот как, малыш? И кто она? – полюбопытствовал Вайерр, как только мой новый хозяин проглотил последний кусок с тарелки.

– Ну, – начал повествовать юноша, – она со стадиона.

– Пилот, наверное? – сразу пустился в расспросы толстяк. – Гонки?

– Да, своего рода...

– Ясно, – переключил я снова внимание на себя, – она имеет исключительный вкус на чай.

– Вообще-то, я купил вас не для того, чтобы насыщать чай, – разговорился отогревшийся и разомлевший от душевного тепла и еды парень и пустился в объяснения, от которых

у меня перед глазами расцвели и заплясали нервные мурашки: – Речь идет о специфическом насыщении пустой маслянистой ликры...

Дальше я не услышал, так как, кажется, потерял сознание.

Глава третья: про чай

Никакого чувства новизны я по пути до нашего с пареньком жилья не ощущал. Но не потому, что я часто бывал в этой части города, и не потому, что я не волновался, а по одной той причине, что я вообще перестал что-либо чувствовать с тех пор, как мне дали понять, что в ближайшее время (а когда найдется для меня новое назначение, никто точно не знал, и это могло оказаться вопросом нескольких месяцев) мне не удастся погрузиться в чай.

Да ладно бы речь шла только о самом погружении. Ведь что собой представляет, по сути, сам чайный напиток? Да сущую мелочь! Ничто! Чайный напиток – это... просто заваренный с должной степенью перфекционизма в деталях экстракт небесной благодати, олицетворения смысла жизни и вкуса к ней. А это в контексте чая как явления лишь малая доля его естества.

Нет, я не так уж и сильно переживал, что мне еще долго не удастся погрузиться на дно бульотки. Дело тут крылось глубже. Чай для чайного дракончика – это не жизнь и уж тем более не образ жизни. Чай – это бесконечная канва времени, это река-судьба, где мы непрерывно существуем и вне которой нас нет. Это связь времен и связь поколений, при том не какая-то там жиденьякая связь вроде кровного родства или интеллектуального наставничества, о нет...

Это сложная философская, имеющая множество и множество взаимоперетекающих смыслов, глубоких культурных кодов, огромных социальных значений и поведенческих паттернов система! Это целый мир под поверхностью вашей кружки, и мир не примитивный – это высший мир, утонченный и искренний, полная величия и мудрости вселенная подлинных чувств! Не существуют вне чая чайные дракончики! Никак! Потому что жизнь – это чай! Не «как чай», а чай! Сам чай – это жизнь! И иначе никак и никогда быть не может!

А этот отказавшийся от зарплаты идиот не умеет пить чай! А значит, он не умеет жить! Все. Точка. Если я его вдруг убью, то меня не посадят, а если посадят, то отправят на каторгу, а если на каторгу, то там мне придется работать, а если работать, то по профессии, а раз по профессии – значит, восстановлю верный порядок вещей.

Задержавшись на последней мысли со сладким расслаблением перенесенной агрессии, я успокоенно выдохнул, улыбнулся сам себе и попытался понять, где я.

Оглядевшись, я понял, что паренек несет меня по казавшемуся бесконечным в оба направления коридору, пролежавшему под стадионом. Очень скоро мы свернули в неприглядное темное ответвление по другую сторону от выхода к арене, потом свернули еще раз и еще (я уже на этом совершенно запутался) и под конец неисчислимых петляний добрались до маленькой и тесной комнаточки, в точности по-

хожей на ту, что я себе представлял, думая о месте ночлега своего нового приобретателя.

Открыв дверь и еле-еле запалив газовый рожок, молодой механоид отпустил меня на рабочий стол, заваленный всяким хламом – железяками неизвестного назначения и ключками бумаг, создававшими на небольшом пространстве столешницы хаотическую мешанину.

Я, боясь приклеиться к чернильным пятнам или что-нибудь подцепить, стоял не двигаясь, внимательно следя за тем, как юноша снимает уличную куртку, плюхнувшись на кровать. Узкая, заправленная ветхой зеленоватой рогожкой, та занимала почти все свободное место, так что переместиться, не присев на нее, было невозможно механоиду любых габаритов, а великан вроде Вайерра тут бы застрял и не выбрался наружу, предварительно вдвое не похудев.

– И чем мы займемся? – осторожно осведомился я, даже не зная, на какой ответ надеюсь.

– Ну, – добродушно начал парень, задрав голову и выловив из вороха висящей над головой разномастной одежды местную спецовку, – обычно я занят весь день, но иногда бывают выходные. Они достаточно редкие, так что завтра с утра разработаем план, и по нему каждый будет работать независимо – на случай, если мы вообще не будем встречаться, – посмотрев на меня и подумав, он решил пояснить: – Не будем встречаться, пока бодрствуем.

– Ты меня кинешь в чан с отвратительным ликровым мас-

лом прямо сейчас? – поинтересовался я холодно.

– Я бы не стал именно так это описывать, но в целом – зачем откладывать, – улыбнулся парень, поставил на стол какую-то банку с чем-то непонятно-механическим запертым внутри, открутил широкую толстую крышку и осторожно взял меня в руки. – Там все просто: прикрепите ликровым клапаном и произведите ликрообмен. Нужен просто образец вашей ликры.

И дальше, не успел я пискнуть и слово протеста (хотя, возможно, успел, однако тот так и остался не услышанным), юноша опустил меня внутрь и банку закрыл.

Следующие несколько десятков секунд растянулись чуть ли не в часы кошмара, в течение которых механические конечности неясного существа, вдвое, а то и втрое превосходившие ширину моего тела, пытались меня раздавить о толстые стенки мутного стекла.

Я кричал, я совершенно не понимал, что происходит, и даже не пытался выполнить никакого ликрообмена. Единственное, на чем я оказался сосредоточен, это спасение собственной жизни, и скоро мне удалось подняться наверх, чудом уйдя от очередной атаки механического чудовища, из-за которой банка треснула, потом треснула еще больше, и на этом, когда пустая ликра из нее полилась, безрассудный мальчишка наконец снова открыл крышку и меня выловил. Я тут же его укусил.

– Ай! – вскрикнул он и встретился ошарашенным взгля-

дом с моим, ничуть Наверняка не отличавшимся, и, кажется, только сейчас понял, какое чудовищное сотворил надо мной насилие.

В этот момент банка окончательно раскололась, нечто жуткое выпало из нее и исчезло под столом, и юноша, поспешно положив меня на столешницу, нырнул под стол за ним.

– Я убираюсь отсюда! Немедленно! – крикнул я, выскивая глазами ближайшую ликровую заводь, но не находя.

– Извините, – донеслось до меня снизу, – ему очень опасно находиться без ликры, так что я должен... должен... его поймать...

И поскольку с этими словами паренек мистическим образом растворился в подкроватном пространстве, высказать ему все, что желал, я не смог и вынужденно сосредоточился на том, чтобы успокоиться.

Как скоро он снова появился в поле моего зрения, я затрудняюсь сказать, поскольку думал только о только что пережитом ужасе.

– Второй шанс! – почти крикнул юноша, отдав знак глубочайшего извинения, как только вынырнул, и неподдельный отчаянный ужас в его глазах немного отрезвил и успокоил меня. – Второй шанс, я умоляю! Я ошибся, я не подумал, такого больше не повторится, клянусь!

– Я... что... что это было вообще? Что это, будь ты проклят, сейчас было?! – выкрикнул я сипловато и оттого полу-

комично (если оставить в стороне серьезность действительно грозившей мне опасности).

– Насытитесь. Я думал, что вы быстренько насытите насытитесь, и тот насытит ликру...

– Он оказался против насыщения, этот твой насытитель! Ты это понимаешь?!

– Да, я... я не подумал, что он может так агрессивно вас воспринять, я думал, что он вас ждет! Я умоляю, – юноша примирительно опустил руки, – я умоляю вас, останьтесь хотя бы на ночь.

Я открыл рот, чтобы отказаться, но тут у меня перед глазами встала яркая мысль о собственном кафе. Работа не по прямому назначению обычно оплачивается в большем размере. И если я немного потерплю, буквально месяц всего или несколько дней, то отложу довольно много. Конечно, я не прямо так рассудил в тот момент, а только уставился мысленным взором на вымечтанную картину, взывавшую ко мне о собственном воплощении. И я не смог от нее отвернуться. Я выдохнул.

– И ты гарантируешь обращение по инструкции? – осторожно спросил я.

– Ну конечно! – просиял парень. – Мы славно с вами здесь проживем, будьте покойны! Но а сейчас, я думаю, вам хочется познакомиться с той самой девушкой. Давайте?

– С твоей зазнобой? Ну... давай, – повел я усами, чувствуя, как уходит от души напряжение.

Парень неожиданно тепло улыбнулся:

– Вам здесь все, конечно же, чуждо, и не удивлюсь, если противно, но я хочу, чтобы вы знали: вас очень ждали, вы очень и очень нужны. И вполне возможно, что это будет самое особенное назначение в вашей карьере.

– Не исключено, – согласился я, разумея в этом, конечно, только грустный подтекст.

На этом мой новый хозяин торопливо сгреб меня в ладони и, погасив и так едва зажженную лампу, одним движением покинул свою конуру. Нашу конуру. И ведь я туда сегодня еще вернусь. О, Сотворитель...

Мы выбрались на вечерний холод, вынырнув в огромные пространства пустующих подтрибунных помещений, и тихонечко подошли к перилам. Внизу, стремительно оставляя позади бесконечные, замкнутые в одно кольцо боли и преодоления метры стадионной беговой дорожки, отсчитывала круги единственная спортсменка. Ну, я, конечно, надеялся на пилота, но какая, в сущности, разница, кого именно нам предстоит покорять, главное ведь сам процесс налаживания отношений: эти случайные встречи, горячие взгляды, романтическая ночь, ставшая венцом прогулки морозным вечером, нелепые ситуации, первые прикосновения... словом, все то, что позволяет нам объяснять самую (в действительности, необъяснимую) глубину терзающего наши сердца чувства.

Но тут, сразу следует сказать, дело предстояло непростое.

Даже отсюда, даже в скудном освещении полусонного стадиона, даже несмотря на плотную и далеко не нарядную одежду для спортивных занятий, в которую облачилась госпожа нашего сердца, словом, вообще несмотря на все мешающие объективному восприятию обстоятельства, явствовало, что дело у нас – труба.

Точеная фигурка девушки выглядела идеально, заплетенная туго, без всяких уловок, добавляющих волосам густоты и длины, светло-русая коса, раньше, видимо, свернутая в кичку, распустилась и теперь болталась, небрежно чиркая хвостиком чуть ниже поясницы на каждом шагу. Механические ноги сверкали строгой эстетичной легкостью спортивных протезов – стоимостью каждый как средненький паровоз.

Я не мог отсюда разглядеть лицо бегуни, но даже если бы оно оказалось настолько же омерзительно, насколько прекрасно было все остальное, для того, чтобы начать отношения, имея наши исходные данные, о чае, наверное, нужно знать чуть больше, чем все. Я призадумался.

– Это Кейрра, – с мечтательной добротой в голосе представил паренек объект своих вздыханий.

– Ну... она хороша, – похвалил я наконец его вкус.

– Она чудесна! Она самая добрая и самая удивительная. Она вам сразу понравится, – улыбнулся мой новый хозяин.

Едва произнеся это, он бросился бегом вниз, свернув пару раз на ступеньках, ведших на нижний ярус трибун, потом

проделал какой-то сложный фортель, проскользнув, как мне показалось, и вовсе через подземный этаж, и вынырнул из мрачного подземелья уже у края беговой дорожки.

Девушка как раз пронеслась перед нами, и я еле успел проводить ее поворотом головы, поскольку за то время, пока мы спускались, она здорово разогналась. Я теперь с трудом представлял, как юноша собирается нас познакомить, потому что остановить такое, просто сказав «привет», представлялось делом безнадежным.

Однако молодой механоид, даже не поведя бровью в момент приближения красотки, пересек беговую дорожку поперек и в довольно скучной манере потрусил по антитравматичному покрытию основной части стадиона, предназначенной для командных игр. Озадаченный его маневром, я принялся крутить головой, пытаюсь высмотреть установленный тренерский островок или другое место, откуда принято просить летящего спортсмена прервать тренировку.

Но вот мы перебрались через поле, форсировали беговую дорожку еще раз, и я, следуя за радостным знаком внимания юноши, наконец разглядел цель нашего похода: в темноте укромного кармашка под трибунами оказалась оборудована зона со странными тренажерами, больше напоминавшими комплекс для реабилитации спортсменов после травм.

Там угловато и грузно, мелкими движениями перебирая руками по параллельным перилам и еле подтягивая неестественно сведенные ноги, двигалась не по погоде тепло одетая

девушка с некрасивым лицом. Нос выдавался приплюснутым мячиком, огромные карие, почти черные, глаза немного косили. Переносица и щеки были так густо усыпаны темными веснушками, что мне сначала показалось, что у нее на лице крупно перфорированная вуаль. Волосы, похоже оставшиеся этим утром невымытыми, выбились из-под шапки и торчали во все стороны.

– Ну вот, – улыбнулся мой странный приобретатель, осторожно показав меня ей на ладонях, а затем устроив у себя на плече, – вот, это наш новый член команды. Господин чайный дракончик, это Кейрра, вы будете для нее работать. Она большой молодец.

– Здравствуйте, – улыбнулась мне девушка, задав своими зубами арифметическую задачку о стоимости выравнивания.

– Эй, рада тебя видеть, – слышался вместе с легким дуновением холодного ветерка голос остановившейся рядом спортсменки. Красавица, посмотрев на моего дурачка с некой долей робкой надежды, спросила: – У тебя ведь сегодня выходной? Может, ты хочешь перекусить или...

– Нет, я занят сегодня, извини, – быстро и не сказав чтобы ласково сломал мою стройную картину мира паренек и, не удостоив вниманием еще немного задержавшуюся рядом прелестницу (у которой, к слову, прекрасными оказались и лицо, и голосок), горячо обратился ко мне: – Ваша задача будет заключаться в насыщении ликры для Кейрры особым

способом для того, чтобы ей помочь. Мы будем пробовать, пока у нас не получится.

– Что?! – мгновенно отрезвев, я даже подался назад. – Так, детишки, я не хочу вас расстраивать, но чайные дракончики не предусмотрены для насыщения ликры для других живых существ, и присоединение клапаном к механоиду может оставить меня без чайного признака! Это тянет на...

– Я знаю, – поспешно перебил меня юноша, но я еще поспешнее перебил его:

– Понимаю, ты влюбился, со всеми бывает, но у нее же генетический порок! Даже силой любви это никак не лечится! Никогда!

– Я знаю, – повторил молодой механоид, а я от этой странной нервирующей ситуации расправил свои декоративные крылья, пытаюсь в порядке самозащиты выглядеть внушительней:

– Я доложу обо всем в Центр! Меня отнимут, а тебя накажут!

Парень захотел взять меня в руки, но я не дался, вовремя растопырив гребень воротника и вздыбив хребтовый.

– Но вы даже не знаете, в чем дело! – неловко повернув голову и скосив глаза, чтобы меня видеть, попытался оправдаться паренек, и в этом спорить я с ним не стал:

– Да! Именно! Я ничего о тебе не знаю!

– Так я же хочу о себе рассказать!

– Я даже имени твоего не знаю!

– Я вам представляюсь!

– Но это ничего не изменит!

– Тогда почему вы из-за этого на меня кричите?!

Не найдясь с ответом немедленно, я выдохнул и вынужденно попробовал начать разговор заново:

– Дружок, просто верни меня с этого парада абсурда назад, в мой мир! В нормальный мир нормальных механоидов, которые нормально пьют хороший *нормальный* чай! Верни, пока никто не пострадал, и я обещаю – я никому не скажу о том, что ты хотел со мной сделать!

– Успокойтесь, вы выглядите смешно, – резко осадил меня низкий женский голос, явно принадлежащий голему.

Я обернулся на звук и увидел чайную драконицу, величаво выскользнувшую из-под воротника залившейся краской и трясущейся от страха и стыда дурнушки. Драконица расправила декоративные шейные крылышки, интонационно припечатав меня:

– Вы выглядите жалко. Стыдно смотреть, какими предстают чайные дракончики через ваши ужимки и истерики.

– Кто вы такая? – тихо осведомился я, наклонив морду и сделав шаг вперед по плечу моего нового хозяина.

Силуэт драконицы, ее характерно вытянутая морда, фирменный рельеф крылышек и четырехпалая лапа позволили определить, что сделали ее на заводе «Оттенки вкуса» – небольшом, но знаменитом предприятии, расположенном на

равнине Латунная Чаша, названной так из-за обилия солнечных дней, а значит, застроенной насытителными городками. Этот завод специализировался на дракончиках и машинах для мороженого.

– Я воспитательница юной Кейрры, – с ледяным высокомерием процедила моя новая знакомая.

– И чему вы ее учите? – спросил я не менее холодно.

– Быть чайным дракончиком, – получил я ответ.

– Хорошо, – согласился я как-то сразу, тут же, не думая вообще ни о чем, кроме разве что места и обстоятельств, при которых я ударился головой и впал в кому, где мне снится этот странный сон, – хорошо, тогда я, конечно, вам помогу. Без сомнений! Можете во всем на меня рассчитывать.

Глава четвертая: про чай

Вернувшись в обиталище уныния и пристанище всяких печалей, где мне теперь предстояло жить, я неожиданно для себя крепко уснул. Мне следовало, наверное, разработать план побега, следовало... да чего там, о, Сотворитель, разрабатывать – просто добраться до ближайшей ликровой заводи и дать знать, что со мной обращаются дурно. Ну или сначала обезопасить себя, вызвав курьера, который отнес бы меня в Центр, и вот уже там сообщить, во всеуслышание заявить о вопиющем нарушении правил моего содержания.

Но в ту ночь, опять же повторяюсь, по причине, совершенно скрытой для меня самого (и, скорее всего, имеющей природу некоего шока), я каким-то непостижимым образом задержался сознанием в мгновении, когда некрасивая Кейрра вспыхнула неловким счастьем, а юноша с неизвестным мне до сих пор именем обнял ее по привычке аккуратно и оттого как-то особенно нежно, а драконица отдала мне краткий знак одобрения.

Эта безумная сцена казалась столь ирреальной, что я мог лишь оторопело созерцать происходящее. Я, словно бы мне дали обезболивающее для сознания, смотрел на этот балаган, ничегошеньки не понимая, и более того – начать понимать даже не пробовал. Я просто мысленно признал как аксиому, как устоявшийся в науке и не требующий никаких

иных доказательств факт, что происходящее не имеет никакого, даже самого отдаленного смысла, а переживать из-за отсутствия смысла, простите за каламбур, вдвойне бессмысленно.

В тот вечер для меня так ничего не прояснилось, так как подошедший механоид – физиотерапевт Кейрры или, может, просто местный смотритель – напомнил, что девушке пора заканчивать занятия, а молодому человеку – приводить зону в порядок и готовить к следующему дню.

Поэтому счастливая компания разбрелась кто куда, а меня новый хозяин отнес к себе. Он не предпринял ни единой попытки помешать моему побегу, не без самодовольства продемонстрировав сооруженную специально для меня креманку – место небольшого голема с автономным подогревом, доступом к ликровой заводи и максимально удобной, согласно всем учебным пособиям по уходу за чайными дракончиками, конфигурацией. То есть очень плохо подходящей лично для меня.

– Ты же понимаешь, что отсюда мы переедем, – сообщил я, как только осмотрел этот предмет бедняцкой гордости.

– Куда?

– В квартирку неподалеку. Я задам параметры и найму. Если ты переживаешь из-за транспортной доступности, то, если сыщется что-то совсем близко, я соглашусь и на опрятную комнату, но продолжать, – мягко произнес я, буря взглядом пучок пуха какого-то животного, посещавше-

го креманку до меня, – жить здесь нельзя.

– Простите, мастер, но на это нет денег.

– У тебя есть, есть деньги, – успокоил я его, – ты их платишь мне за работу по назначению, и этого достаточно для того, чтобы переехать. Так что – разнообразия для – ты получишь возможность пользоваться плодами собственного трудолюбия. Как тебе?

– Но, – возразил молодой механоид не слишком решительно, – мне же нужно будет успевать на работы.

– Ы?

– У меня три-четыре работы в зависимости от сезона, и все здесь. Если я буду ездить, у меня не останется времени для сна, а...

– Ладно, мы вернемся позже к этому разговору, – я отпустил юношу к его обязанностям после того, как он извлек вызывавший во мне брезгливость клочок шерсти.

Как только парень ушел, я, на секунду похвалив себя за непринужденность, с какой разыграл имевшую место беседу, решил использовать наступившую тишину, чтобы осмыслить свое положение и возможное будущее. Мной овладела жестокая иллюзия контроля над ситуацией, и вот она-то безжалостно, подобно пескам, затягивала меня в нутро своей извращенной логики.

Я аккуратно коснулся ликровой заводи. Стадионная ликра – такая странная, такая вязкая, хранящая в себе нездоровое лихорадочное возбуждение, на котором она насыщалась

долгие и долгие годы – хлынула в меня, пропитывая каждую мою детальку необычными образами этого места. Помимо воли, я стал прислушиваться к этим впечатлениям, размышлять о том, как бы выразить все то, что хранила эта необычная ликра через дружеское чаепитие персон на шесть-восемь. Устроившись лежа и обвив тело хвостом, я подумал, прежде всего, о «Стальной поступи» – то ли удачно перепродаваемой, то ли, если правдивы все рассказы, действительно производимой самим Апатитовым союзом.

Этот вязкий сорт чая имеет ярко выраженный, отдающий характерной кислинкой, но вместе с тем тонкий вкус, прекрасный сам по себе и в чистом виде, он почти лишен полутонов. У него есть только одно, второе, раскрытие – его можно добиться, если дать ему немного перезавариться, и это раскрытие – сплошная горечь. Мне показалось, что именно он, дополненный толикой сладкой летней карамели, прекрасно описал бы мои сегодняшние воспоминания об одинокой девушке, наматывающей круг за кругом по пустому темному стадиону, на который тонким слоем ложится снег. И ее косичка свободно гуляет по спине... Где-то в этом месте я как раз и уснул.

Пробудился же, как выяснилось позже, чуть за полночь от тревоги и холода. Немного кружилась голова, и в целом я чувствовал себя муторно. Я совсем продрог, а в душе и внутренних механизмах, казалось, кто-то потоптался немтыми лапами.

Пытаясь выяснить причину странного холода, я осторожно коснулся подбородком креманки. Она оказалась ледяной настолько, насколько может промерзнуть металл. От толстенных бетонных стен каморки холод буквально напирал невидимым черным занавесом. Юноши в комнате не было. Неужели еще на работе?

Я, преодолевая тягу попытаться вернуться ко сну, с огромным трудом поднялся на лапы, перебирая в голове возможные причины отключения подачи тепла. Сначала я решил, что это чей-то злой умысел, но сообразил, что дело в подаче газа: разводка на креманку шла от лампы, и когда мой беспутный хозяин погасил свет, тем самым он, олух, и подогрев креманки мне тоже выключил!

Идиот, неспособный правильно сделать разводку в комнате, не имел права содержать чайного дракончика! Совершенно точно не имел, и Центр завтра об этом узнает.

Я потянулся к ликровой заводи, чтобы вызвать курьера и обратиться отсюда навсегда. На какую-то секунду я задержал лапу, думая о том, что все же мог бы за пару дней разобраться с этой дурнушкой и дать парню хороший жизненный совет, но потом сделал что собирался. В конце концов, все эти бесконечные волнения и чужие глупости не стоили ни моего здоровья, ни моих нервов. Парень поймал свой шанс, но, увы, быстро его упустил. Курьерская служба приняла заказ на ближайшее время – сразу по открытии стадиона. Вызов я оплатил авансом.

Сделав дело и успокоившись, я принялся обдумывать, как улучшить свое положение до утра. Теоретически я мог бы самостоятельно нагреть свою шкуру и поддерживать постоянную температуру, но это стоило довольно больших усилий, к тому же лично мои механизмы не слишком хорошо реагировали на нагрев вне чая, и я предпочитал спать только в теплых креманках.

Так или иначе, решить проблему мне предстояло полностью самостоятельно. К этому времени глаза мои уже привыкли к темноте: линии света от негасимого коридорного освещения, пробивавшегося снизу двери, хватило, чтобы разглядеть, что газовый выключатель от лампы находится от двери справа, слишком далеко и высоко от меня. Для того чтобы добраться туда, мне пришлось бы спуститься со стола на пол, пересечь всю кровать и только потом вскарабкаться на отвесную стену.

Мои лапы вполне позволяли совершить такое путешествие, но я переживал из-за того, что могу пораниться в процессе, и отложил пока эту экзотическую идею.

Недовольно выдохнув, я отвернулся и изучил стену, к которой был придвинут стол. К моей радости, там нашелся второй, куда более приемлемый газовый кнопель. Карабкаться к нему пришлось бы по журнальным и газетным вырезкам, густо украшавшим все пространство над письменным столом. Это покрытие, конечно же, далекое от представлений о стерильности, казалось мне безопасней отвесной и не сказать

чтобы чистой стены.

Разумеется, я не имел никакой гарантии, что этот выключатель сохранял рабочее состояние. И более того, скорее всего, он находился здесь для того, чтобы подавать газ на лампы рабочего стола (сейчас отсутствующие), а значит, его вовсе заклинили. Но при должной степени везения я все же мог получить возможность согреться у бра и подремать там, пока мой бедовый хозяин не заявится.

Вздыхнув снова, уже, скорее, смело, чем обреченно, я стал со всем расстройством в душе рассматривать столешницу на предмет гигиенически безопасного маршрута. Выглядело все довольно безнадежно, но из креманки мне удалось выбраться, никуда с ходу не вляпавшись. Дальше, проскальзывая между разномастным хламом и чернильно-ликровыми пятнами, я прошел немного вперед и уже там влип передней лапой в какой-то плохо засохший клей. Это происшествие остановило меня: идея на трех лапах вскарабкаться на стену даже навскидку казалась излишне рискованной.

Подумав немного, я вернулся по собственным следам и залез назад в креманку, где замерз свыше всяких пределов, зато отскреб от лапы засохший состав.

Со второй попытки, оставив по пути бесценный моток собственных нежных нервов, я пробрался ко кнопелю и победоносно его отжал.

Послушно защелкали авторозжиги, и загорелся свет.

Снизу, где-то из-под кровати, из-под стола, следуя вверх

один за другим, вспыхнули здоровые рыжие лампы, светящие все как одна куда-то внутрь исполинского стеклянного сосуда, заполненного террактотовой жидкостью.

Я пригляделся. Именно на этом сосуде, а вовсе не на полу размещалась вся скудная мебелировка моего хозяина, потому что пол тут вовсе отсутствовал.

Внутри сосуда плавало, передвигаясь то сонно, то импульсивно-резко, нечто щупальцевато-механическое.

Именно с этим чудищем молодой механоид и посадил меня в банку этим вечером. И сейчас, когда я смог его разглядеть, оно уже не вызывало во мне прежнего ужаса. Я понял, что это такое и каким истинным сокровищем этот оболтус, оказывается, обладал.

Я не помнил, как добрался от кнопеля вниз, как спустился на исполинский сосуд, хотя, очевидно, сделал это в рекордно короткое время.

«Что ты такое?» – простучал я механическому многочисленному существу, потому что нечто древнее и важное заставляло меня задать этот вопрос и потому что мне обязательно требовалось, чтобы оно ответило на этот вопрос, ответило, когда я спросил «что ты?».

И оно ответило: «Я – Чай».

Глава пятая: про Чай

Итак, комната, где жил странный молодой механоид, на самом деле даже не являлась комнатой как таковой, а представляла из себя несколько убогих предметов интерьера, водруженных на поверхность какой-то промышленной емкости, доходящей до двери в коридор. Если честно, я даже задумался на какое-то время, как там вообще могла оказаться эта дверь. Она заняла первое место в моем личном списке странных дверей, опередив там вечно закрытую дверь в кафе у Вайерра. Ведь получалось, что, по сути, она вела прямо на крышу бака с ликрой, что даже звучит весьма странно. Однако вскоре этот вопрос потонул в море куда более удивительных открытий.

Например, я обнаружил ведущий вниз зазор у стены. Достаточно большой для того, чтобы туда мог протиснуться даже щуплый механоид, а не то что такое полное изящества и ловкости существо, как я. Я счел за должное исследовать этот удивительный объект: в присутствии Чаея я ощущал себя в полной безопасности, да и перемещаться по отвесному стеклу вверх-вниз для дракончика – одно удовольствие.

На ощупь стенки емкости оказались теплыми, а лампы доводили температуру воздуха рядом с ними до практически комфортной для меня, так что неожиданная экспедиция становилась все приятнее и приятнее.

Спускаясь по гладкой, вымытой чуть ли не до хрустального блеска цистерне, я с трудом отводил взгляд от величественной механической фигуры Чаю, блуждающего согласно сложной программе в насыщаемой им жидкости и медленно, наверняка с расчетом на получение результата не раньше чем через пару-тройку лет, преобразующего пустую заготовку в молодой чайный раствор с помощью особенного чайного признака его собственной ликры.

После того как этот прекрасный голем закончит свой труд, молодой чай будет отфильтрован несколько раз, при необходимости пройдет дополнительное насыщение в другой емкости и другим специалистом (это сильно прибавит к цене напитка). И только затем, после еще нескольких фильтраций, настанет (в Золотых Кронах это будет, кстати сказать, именно в зимний период) всем известный знаменитый период сушки чая. Между прочим, многие по невежеству отождествляют период сушки с периодом насыщения и поэтому так и говорят: «Чай насыщен солнечными лучами», – что, конечно же, глупость.

Хотя, естественно, сушка должна происходить обязательно под заботливым солнцем (сушка под лампами скажется и на цвете, и на вкусе, и, само собой, на цене). Мало кто замечает, но в Золотых Кронах, по статистике, солнечных дней больше зимой, чем летом (лето у нас, как правило, скрыто за пеленою дождя), так что бегать на крышу стадиона здешнему персоналу придется по холоду, беспокоясь при этом, что-

бы согреть чайный фильтр, иначе вода, смерзшись в лед, повредит его структуру: всем известно, что продолговатые крупные жгутики куда приятнее при заварке, лучше отдают аромат и нравятся ценителям. И, наконец, уже после сушки и всех связанных с ней треволнений чай расфасуют и подготовят к продаже.

Наш чай, средних широт, ценится не слишком хорошо, в основном именно из-за того, что его трудно высушивать непосредственно под солнцем, да и к тому же само насыщение исходного ликрового раствора зависит от оттенков исходной ликры, а в городах она всегда содержит множество ликровых признаков, что очень хорошо для того, чтобы обеспечивать комфортное пребывание множества механоидов, но очень плохо для поддержания одинакового состава насыщаемого раствора.

Именно поэтому чай, произведенный в больших городах, всегда представлялся продуктом массового рынка, и в приличных местах его не подают. Если в кафе или мясном доме вам вообще дают чайную карту, значит, никакого чая, насыщенного здесь же, за углом, вы не увидите. Нет смысла заводить чайную карту, чтобы вносить туда плохой чай.

Городской же чай поставляют без маркировки, а продают, не предоставляя выбор. Достаточно сказать в забегаловке: «Мне чаю», – и вам подадут городской, он дешевле всего.

Все сказанное справедливо и для стадиона, так как стадион – самое место для массового бездумного потребления на-

питков и еды. Чай здесь нужен, чтобы согреться, пироги – чтобы не так сильно расстраиваться из-за плохого выступления спортсменов (вообще информацией о том, что спортсмены всегда выступают исключительно плохо, все мои знания, в общем-то, и исчерпывались).

На этой мысли я даже задержался ненадолго, поскольку неожиданно понял, почему «Стальная поступь» производства огромного неспящего Апатитового Союза показалась мне подходящим сортом для выражения своих чувств к той вечерней бегунье (а в целом – к тому первому, не наигранному впечатлению от стадиона): это городской чай, полный множества надежд и стремлений. Для стадиона – чай, полный пустых надежд, густо замешанных на преодолении трудностей.

Собственно, все вышеизложенное объясняет, почему, обнаружив настоящий живой Чай, пусть и таким странным образом, я после первого осмысления ситуации избавился от всякого удивления и отдал все внимание своему новому знакомцу.

Первое, что бросилось в глаза: он вполне достойно нес бремя холодного презрительного величия, возвышая тем самым всю коллегия насытителей, создателей чая, над мелкими и суетными в их глазах ассистентами в чаепитиях. Я прекрасно понимал, что мы с Чаем, будучи оба жителями одного, ограниченного чаем, мира, все же одновременно жили в мирах различных: он в – дневном и ночном неусыпном на-

сыщении, а я – в заваривании и мягких, связанных с этим вечерах.

Итак, заводить со мной беседу он буквально демонстративно не стал, сразу же показательно углубившись в работу после объявления собственного имени. Это нарочитое высокомерие отозвалось у меня в сердце ноткой приятного тембра: такой холодностью мог меня одарить лишь понимающий суть моей жизни голем. В этом обращении я почувствовал что-то неуловимо родное и даже успокаивающее.

Подумав о высокомерии, я невольно вспомнил драконицу – спутницу Кейрры и задумался о ней на некоторое время: она держалась уверенно, достойно и вполне властно, но я не почувствовал того настоящего величия, одаривающего толикой презрения, как истинным самоцветом. По полуобороте головы, по тембру голоса, по оттенку приказного тона я сделал вывод о многом и мог поклясться, что она не работала сейчас чайным дракончиком по назначению, что она не насыщала чай.

Ее интонации скорее напоминали вытащенную из чулана памяти (быстро, заученным насмерть жестом, но все-таки из чулана, темного-претемного чулана) привычку, а вовсе не находящийся на языке образ общения. Без сомнений, в это странное место, к странному его населению драконицу привела ее собственная глубокая душевная неисправность. О, ее не наняли сюда, как меня, обманом, не похитили. Нет, нет: эта убежденная в своей (какой-то там, неизвестной еще мне)

правоте особа собственными лапами выбрала свою судьбу. И я не собирался иметь с этой сумасшедшей никаких дел. Она уже не моего круга, она для меня изгой.

Эти мысли, близость Чая и тепло от осветительных приборов наполнили меня уже почти позабытой бодростью. Преисполнившись ею, я заспешил по краю сосуда вниз, в необжитый хтонический мрак, таящийся у подножия емкости, в надежде найти там интересующие меня маркировки и разобраться с происходящим. Но мои намерения потерпели крах.

Эта темнота, куда я направлялся так смело, эта мягкая, призывная, прохладная, влажная темнота, посмотрела на меня парой изумрудных глаз с вертикальными зрачками.

Я застыл, не сразу придумав, как поступить. Как воспитанному голему, мне, конечно, надлежало, в первую очередь, поздороваться, но какой-то древний, идущий от самого первобытного Хаоса инстинкт подсказал мне, что сейчас это лишнее. Совсем, совсем лишнее. Что это не голем, что это не оборотень. Что этот кот – животное и нужно бежать без оглядки.

Я сделал шаг назад в затянувшейся паузе, и в голове уже промелькнула пульсирующая радостью надежда на побег, но в следующее мгновение существо внизу сделало стремительный точный прыжок и сбило меня мохнатой черной лапой со скользкого стекла. Упав, я первым делом оцетинился всеми доступными способами, растопырив и крылья, и воротник,

и гребень, и усы, и когти, но хищный силуэт органического кота продолжал неумолимо прорисовываться во мраке.

– Не подходи! – приказал я ему, памятуя, что всякое разумное существо возвышается над примитивом животного и может им повелевать. – Иди прочь! Брысь! Как там тебя?! Кис-кис отсюда!

Но тут примитивное животное, потратив время на то, чтобы принюхаться ко мне своим имеющим механические элементы носом, сделало движение, в равной мере оскорбившее собственную светскую вальяжность и не оставившее мне тени надежды на спасение.

Мгновение – и я оказался у него в зубах.

Дальше последовали минуты отчаянья, в течение которых мохнатый охотник несколько раз отпускал меня, давая возможность отойти на пару дециметров, и вновь ловил, подцеплял лапой, поднимал в зубах, осторожно, но опасно прикусывая, и иным, совершенно паскудным образом упивался моей беспомощностью и собственной властью. Я старался переломить ситуацию всеми доступными мне способами: принимался хитрить, бежать, царапаться, приказывать голосом, прикидываться сумасшедшим, имитировать заразные заболевания и рассказывать коту о том, сколько стою и какие финансовые трудности ждут каждого, кто меня повредит. Но, как ни прискорбно, ничто из этого не возымело на паршивца воздействия, и в итоге, наигравшись всласть, он снова взял меня, измученного и смирившегося с любым ис-

ходом, в зубы.

Я, по прихоти моего мучителя и случая оказавшись спиной к зубастой пасти и не видя ее смертоносных клыков, внутренне подготовился к тому, чтобы возопить в последнюю секунду жизни, увидеть угасающей навеки прекрасную картинку моего собственного кафе, но в этот момент уперся глазами в пространство зала.

Там, на границе рассеянной мглы, разгоняемой светом, преломляемым молодым чаем... там находилась еще одна емкость – огромная и открытая сверху. Что-то вроде бассейна из прозрачного стекла, водруженного здесь словно бы для того, чтобы потешить тягу к эклектике некоего безумного волшебника. Эта удивительная емкость была доверху наполнена нежным изумрудным настоем зеленого среднена-сыщенного чая. И там, там внутри я увидел в последнюю секунду своей жизни Кейрру.

Никогда и ни с чем бы я не перепутал ее округлый приплюснутый нос, большие глаза и болезненно сведенные колени. Правда, здесь, на границе жизни и смерти, они больше не выглядели уродливыми. Волосы ее, не забранные уже под дурацкий берет, растрепались по чаю механическим кружевом медных нитей. И даже респиратор, позволявший девушке дышать в этом небывалом, чудесном и бессмысленном бассейне, даже респиратор ей шел. Он делал ее неземной, переносил в стан воплощенных сказословных грез, вписывал в пантеон полумифических созданий.

Зубы кота сжались чуть сильнее, и я, спохватившись, вспомнил, что от потрясения забыл предаться предсмертной агонии. А ведь именно она могла позволить не пропустить момент и, извернувшись, поранить пасть зверя, заставив этим выпустить меня на волю, где я забился бы под емкость и уж там спокойно умер от голода и ликровой интоксикации. Ну, или дал бы моему дурацкому хозяину или Кейрре вовремя меня найти.

Однако кот развернулся и куда-то потрусил, так и недоев меня.

Я видел, что мы пробрались до противоположной стены зала, видел, что нырнули в какой-то технический лаз (возможно, вентиляционный, если здесь вообще была предусмотрена вентиляция), потом выбрались в бетонный подтрибунный коридор – безликий и потому решительно не дававший мне шанса хотя бы попытаться определить, где мы находимся, и затем это мохнатое наказание принялось петлять туда-сюда, окончательно сбивая меня с толку. Все это время я пытался вырваться, но толком не мог даже пошевелить ни гребнем, ни шейными крылышками – видимо, кот привык носить в зубах такую вертлявую мелочь, как я.

Животное остановилось у какой-то двери и выпустило меня изо рта. Я, наученный предыдущими его экзерсисами, решил не тешить его за свой счет и не сдвинулся с места. Я приказал ему:

– Смирно! Смирно, плохой кот! К ноге!

Но, к сожалению, снова не преуспел: кот, даже не думая играть со мной как раньше, просто сильно дал мне сверху лапой, прибив к полу.

И тут же опять взял меня, пришибленного, ощущавшего боль в каждом мельчайшем механизме, в зубы, открыл лапой эту неведомую мне дверь и проскользнул туда. Следующим движением он прыгнул куда-то вверх, где наконец опустил меня на нечто мягкое и относительно теплое.

От неожиданного облегчения я застонал и, подняв взгляд, увидел, что мой меховой мучитель уселся, выпрямившись, и, довольный собой, громко затарахтел.

– О, Сотворитель, – проворчал сонный, но, к счастью, знакомый мне голос молодого механоида, – отстань, пожалуйста.

Тогда кот пододвинул меня поближе к лицу юноши и настоятельно потерся о его щеку, требуя к себе внимания и похвалы. Я чувствовал себя все так же отвратительно, а мысль о том, что мой новый хозяин здесь и проглотить меня никому не позволит, только увеличила усталость. Кот продолжал ластиться, мурлыкая все громче, до тех пор, пока молодой механоид не сгреб его и меня заодно в охапку, приговорив при этом:

– Ну иди, иди сюда. Крылья в порядке?

Признав этот вопрос интересным и обрадовавшись тому, что юноша вообще заметил меня, я, собравшись кое-как, по-

шевелил и крыльями, и воротником, и усами и отвечал по итогам этого беглого осмотра:

– Вроде бы все хорошо.

– Тогда спать, – резюмировал парень, вполне возможно разговаривая с одним из героев своего сна.

И я, стиснутый между его почти приемлемо теплой ладонью и негигиеничным в лучшем случае, а в худшем – опасно для меня грязным вибрирующим боком кота, соскользнул сначала в оцепенение от пережитого стресса, а там и совсем пригрелся и незаметно для себя погрузился в глубокий сон.

Глава шестая: про чай

Утром меня первым делом ждал штраф от курьерской службы. Как я и заказывал, курьер явился, как только стадион открылся для сотрудников, в пять утра, но найти меня, со мной связаться или выяснить, где я могу находиться, он не смог и отбыл. Этот штраф я, проснувшись в собственной согретой достаточно хорошо креманке задолго после полудня, заплатил безропотно, поскольку действительно ощущал за собой вину.

Собственно, проснулся я раньше полудня: лампа горела, а комната опять пустовала, но к тому времени как я более-менее пришел в себя от настойчивой сонной слабости, то и дело снова звавшей меня в мягкие объятия дремоты, у паренька выдался обеденный перерыв, и он, держа в руках какой-то предмет спортивной защитной экипировки, явился проводить меня.

Раздумывая о том, что мне лучше сделать: вызвать курьера опять или покормить это чудо природы, я по душевной доброте и зная, что отбыть могу в любой момент, выбрал второе, и вскоре мы уже сидели в местной столовой для персонала, имевшей на редкость убогий вид, что при огромном пространстве зала множило безвкусию до невообразимых пределов.

Невкусно пахнущую местную кашу парень глотал, почти

не жуя, а я брезгливо прогуливался вокруг бумажного стаканчика со слабым раствором бурого разочарования.

– Может, расскажешь мне, что именно у тебя здесь происходит? – ласково пригласил я к разговору молодого механика то ли из природной доброты, то ли из-за легкого любопытства. – Я видел вчера под твоей комнатой Чай, а еще целый бассейн с чаем, в котором плавала Кейрра, пугая случайных прохожих.

– Ага, она там спит, – кое-как, затрудняясь проглотить обжигавшую кашу, повествовал мне юноша. – Да и какие там могут быть прохожие среди ночи?

– Ну я, например. Кейрра спит в чае?

– Это не чай, это пустая маслянистая ликра, она ослабляет давление на позвоночник и улучшает работу аппаратов, ответственных за сращивание костей после операции.

– Во имя Сотворителя, ребенок, у вас здесь какое-то безумие по безумию катится и пары из безумия поднимает.

Парень, очевидно, попытался это представить во всех красках, но, еще более очевидно, потерпел неудачу и оттого заключил:

– Стараемся. Вы уже можете работать с ней. Я вас отнесу, вы сделаете все, что требуется. Вам понравится!

– Пожалуйста... – явил я чудо терпения, пропустив мимо себя давление юноши и заставив ужесточившимся тоном обратить на себя внимание: – Давай ты действительно, наконец, представишься?

– Дейран.

– Очень приятно, – взял я разговор в свои зубы, – итак, Дейран, что происходит? Объясни мне толком, кратко и ясно. Иначе я развернусь и уволюсь.

– Ну, Кейрра...

– Та самая девушка, в которую ты влюблен?

– Ну да.

– Уже плохо. Так, дальше?

– У нее врожденные нарушения опорно-двигательной системы, но зато удивительные механические волосы и необычайные ликровые признаки, которые позволяют ей насыщать пищевую ликру. Чтобы стать чайным дракончиком, ей не хватает только собственного чайного признака ликры. И я сделаю все на черной и белой земле, лишь бы помочь ей получить назначение! – отрапортовался он как по писанному. Возможно, сделал я себе пометку в голове, действительно писанному – той странной драконицей, работавшей не по назначению.

– Так... отлично, я не понимаю, в чем вообще проблема. Если у нее механические волосы, то Центр ее с руками оторвет ради любого производящего пищу города. Ее там будут одевать в шелка и кормить с агатовой ложечки.

– Ее там запрут в маленькой комнатке и привяжут за волосы к вызривательной машине! – разозлился Дейран, но я не понял его возмущения.

– Да, но что плохого в этом для механоида, который и так

не может ходить?

– Держите язык за зубами! – вспыхнул юноша, вскочив из-за неустойчивого стола из тонкой некачественной жести, заставив тот закачаться, а меня – страдальчески закатить глаза и подумать о покупке удобной личной бульотки, которая бы стала моим личным плотом в этом бесприютном океане безвкусицы. Подумав об этом, я медленно выдохнул и начал сначала:

– Так, послушай, сколько у тебя работ?

– Извинитесь, – нижайше и со всем должным почтением попросил меня юноша, забыв, правда, проявить все эти похвальные чувства в голосе, и тот на деле прозвучал довольно-таки хамски.

– Ну, извини, но я, кажется, нужен тебе больше, чем наоборот, так что в твоих интересах правильно и вовремя отвечать на вопросы, – сказал я ему в тон и, дав секунду это осмыслить, повторил изначальный вопрос: – Так сколько у тебя здесь работ?

Дейран расстроено опустился на стул и ответил:

– Четыре.

– Итак, четыре работы – это значит, четыре зарплаты, при том что ты не ешь ничего, кроме ликровых ополосков, отказался от предоставляемого работодателем жилья в пользу доплаты и вместо новой одежды тоже, наверное, берешь деньгами. Выходит многовато для найма одного меня. Скажи-ка, тот Чай в подвале – тоже твой?

– Да.

– Что... нанятый?

– Да, – отдал знак невнимательности он, – но я сам его сделал, он дешевый.

Невольно вскинув брови, я задал следующий вопрос только для того, чтобы не показывать дальше своего удивления:

– А... кому ты продаешь продукт насыщения?

– То, что он производит, пить нельзя, это токсично пока, – опять отдал мне знак невнимательности юноша, и моя картина мира успокоенно встала на место. Я перешел к следующей части запланированной беседы:

– Ребенок, – многоумро выдохнул я, – не буду скрывать: я не смогу работать с тобой.

– В каком таком смысле?

– Во всех возможных, – отрезал я. – Тебе предоставят другого сотрудника.

Дейран посмотрел на меня онемело с секунду, а потом выпалил с редкой степенью убежденности:

– Нет!

– То есть как «нет»? – скривился я. – Это мое решение – продолжать сотрудничество или не продолжать. Твое согласие Центру не требуется. Я имел обязательство согласиться на третье назначение – я дал согласие, но мое право отказаться от тебя при неподходящих условиях работы осталось при мне, и я использую его. Извини.

– Но я же приходил в Центр! Сдавал экзамены, подписы-

вал бумаги! Они сказали, что никакой другой дракончик не согласится у меня работать, а вы – останетесь!

– Как это они так сказали? – подозрительно уточнил я, потому что решительно отказывался понимать, чем именно я, по мнению Центра, отличаюсь от всех прочих чайных дракончиков этого города.

– Сказали, что вы самый шустрый добряк, что работа в кафе – это не ваше, что насыщаете чай для удовольствия вы плохо и вам лучше подойдет что-то промышленное, что вам...

Он что-то еще говорил, но я уже плохо слышал его и конкретных слов не разбирал. Я просто поверить не мог, что специалисты Центра действительно так думают, и уж тем более дикой казалась мысль, что они правы, дикой до полного и совершенного неприятия. Включился я, когда Дейран закончил речь дурацкой во всех отношениях фразой:

– Да и третья же – по судьбе!

– Ты считаешь, что мне по судьбе пасть под ударом твоего безумного Чаея, попытавшегося меня убить, а до тех пор спать в холодной креманке? – как-то бесцветно уточнил я.

– Но она сертифицирована! Вы во сне должны себя греть за счет шкуры!

– Нет, я не должен! Это вредно для чешуек, я не практикую это!

– По документации – должны!

– По документации ты должен каждое утро начинать с

пробежки, на ночь выпивать стакан холодной воды и после каждого приема пищи чистить зубы по две минуты, и ничего этого ты не делаешь, а еще у тебя кот!

– Он не мой, а приبلудный.

– Это ты у меня приبلудный, – сам не зная почему оскорбился я за кота, – а он пытается, между прочим, тебя прокормить!

Мы оба замолчали, синхронно принявшись переваривать смысл моей последней реплики и логические тропы, приведшие меня к ней. Из тупика, куда неудачно свернула наша ссора, нас выдернул окрик высокого, крепко сбитого топтуна с механическими скулами:

– Дейран! – позвал он моего оболтуса. – Хватит греть задницу! Пожрал – и в пит!

– Иди, – отпустил я его редуцированным знаком прощения, – поговорим толком вечером.

– Вечером я работаю, – быстро шепнул мне он, вместо того чтобы выразить радость, что я соблаговолил остаться здесь до вечера. – Утром увидимся! Сходите к Кейрре! Вы все поймете! – бросал он мне на ходу, впопыхах набивая карманы дешевыми бесплатными шоколадками, поданными вместо нормальной карамели. Когда его окликнули второй раз, парень исчез из столовой, не забыв прихватить с собой тот странный предмет экипировки, с которым зашел за мной. Шлем, что ли?.. Зачем ему шлем? Его что, там бьют по голове?.. Но если так, то я их поддерживаю, и шлем – это лиш-

нее, он же все портит.

Он ушел, а я остался наедине со своими мыслями. Грустно оглядев окружающую меня серую действительность, задержался на бумажном стакане, где плескалось нечто... нечто, что с определенной натяжкой можно было бы назвать напитком по мотивам чая, и подумал, что пока я все равно представлен самому себе, то могу хотя бы немного побыть в тяжелой, непереносимо удручающей, но, по крайней мере, привычной среде.

Примерившись так и эдак, я начал взбираться по стакану и, не успев оторвать от стола третью лапу, опрокинул его на себя. Я так и остался лежать – падший на самую глубину дна жизни.

В этот момент к столу подошла одна из хозяек зала – толстая женщина с красным лицом, пухлыми руками и отвратительной одышкой. Ее белый, совершенно неуместный в помещении, где едят механоиды, халат, белый же изначально фартук и даже косынка того же цвета, скрывающая (впрочем, исключительно плохо) редкие сальные волосы... словом, все это белое собственно белым являлось только по идее, а по сути: застиранное и посеревшее с несходящими желтыми жирными пятнами. Я брезгливо отшатнулся, когда она потянулась, чтобы забрать посуду.

– Ба! Тарри, так вы же настоящий чайный дракончик! Что вы здесь делаете, господин, а? – словоохотливо поинтересовалась она, но я не захотел отвечать. Я лежал себе спокой-

ненко на своем дне и проникался мрачной поэтикой абсолютного падения.

Хозяйка зала же, улыбаясь, с вежливым любопытством ждала, пока я отвечу. Эти эмоции казались глупыми, но искренними. Пауза затянулась, и я нехотя бросил:

– Меня нанял... молодой господин Дейран.

– Малахольный этот? Ну, повезло ж, тарри, так повезло, слов нет, слезы одни.

– Нет, он отнюдь, он... много работает, – вежливо парировал я, но не ради своего хозяина, а во имя собственного авторитета.

– У него ж все грязное, – доверительно сообщила мне хозяйка, и я против воли понимающе вздохнул, но заверил ее:

– Мы справимся, – с этим я неспешно отдал знак окончания диалога, приподнял голову, меряя ее взглядом существа, которое, будучи даже на дне, не спешит зарывать чувство собственного достоинства, и повернулся, чтобы покинуть поднос.

– А хотите, почистим вас? – предложила она, с отдающей слабоумием легкостью отметая все то, что я только что ей продемонстрировал.

Я собрался отказаться, но понял, что уйти с должной степенью величия не смогу – мне просто некуда здесь податься: Дейран меня бросил посреди столовой, откуда я своими лапами добирался бы до его грязной комнатки неделю, не говоря уже о том, что я и добираться-то туда не хотел.

Я повернулся, посмотрел ей в глаза, держа паузу, и, наконец прочувствовав, как по лицу ее пробежала (если эвфемизмы подобной тонкости, конечно, применимы к такой ширины лицу) тень нетерпеливого волнения, отвечив:

– Я приму помощь, если этим сделаю вас счастливей.

– Да уж выше крыши, труб повыше, тарри, – ответила она, оставив меня в легком недоумении, поскольку я не понял, что она имела в виду: положительно хотя бы следовало воспринимать ее слова или как иронию?

В ту же секунду ее дебелые руки подхватили поднос, куда позже нагрузили посуду с других столов, и отнесли на душевую и огромную, как и все в этом архитектурном памятнике гиперкомпенсированному комплексу неполноценности, кухню.

Поднос хозяйка поставила на конвейерную ленту, подававшую грязное нескольким паренькам, споро загружавшим все это в огромные моечные машины.

Остаток заварки же из стакана она сначала стряхнула, сильно постучав по краю приемочного отверстия, в какой-то специальный аппарат.

– А зачем это? – полюбопытствовал я.

– О, это машина такая специальная. Мы в ней заварку высушим и снова заварим, – похвалилась она технологией.

Пока я увлеченно испытывал блеклый культурный шок, больше напоминающий общемировую грусть, эта женщина на огрубевшей от бытовой работы ладони отнесла меня на

самый краешек длинной стойки, куда раскладчики выстав- ляли готовые порции еды, до такой степени невкусной, что она заранее вызывала во мне отвращение, хотя я даже не со- бирался пробовать.

Там, в собственной креманке, дремала драконица, та са- мая. Сейчас, при хорошем ровном освещении, я увидел, что ее шкура невозвратно повреждена, возможно, некоррект- ной чисткой чешуек. Исправлялось подобное только заме- ной шкуры полностью.

При моем приближении драконица пробудилась и по- смотрела на меня величественно. Я постоял немного рядом и понял: недостаточно величественно. Я заметил, что гребень у нее реставрированный, при этом явно в Золотых Кронах: отчетливо были видны характерные для завода Род абстракт- ные узоры на механике. Мне не понравилось. Меня это даже как-то неожиданно разозлило. Задело: и эти запахи дешевой еды, и этот неэстетичный вид поврежденной шкуры, и это поддельное, не рождавшее в душе настоящих эмоций, высо- комерие... Настала пора со всем этим кончать.

С недостойной чайного дракончика порывистой быстро- той я приблизился к ее креманке и вызвал курьера на этот адрес немедленно.

– Что вы сделали только что? – зловещим шепотом вопро- сила она, сузив веки над изумрудными глазами.

Я отступил на шаг и ответил ей честно:

– Пригласил вас в ресторан. На чай. Вы пойдете, у вас нет выбора. Иначе я не вернусь.

Глава седьмая: про чай

Гостя импровизированно организованного мною вечера казалась не слишком довольной тем, что я, пусть и почти невольно, заставил ее наблюдать, как нанятый на выезд чистильщик убирает с моей высокотехнологичной шкуры последствия ночного приключения. Возможно, она завидовала тому, что в свое время позволить себе этого не смогла. Вероятно, ее злил вид разложенных на столе, за краем бархатной скатерти, на которой меня чистили, комбинезонов, заказанных мною одновременно с услугой выездной чистки.

Сложив лапы, я то и дело возвращался к ним взглядом, раздумывая о том, в какой облачиться первым.

Моя собеседница не одобряла всего этого и гордо стояла на голой столешнице, несмотря на то что чай для нее уже подали, а расторопная и ладная хозяйюшка «Об алом и аромате» принесла одну из специальных бульоток для дракончиков, какие используются, когда они заказывают чай себе. Ну а что до меня – я с затаенным торжеством наслаждался ее скрытой злостью, поскольку эта злость делала ее для меня настоящей, делала ее для меня больше дракончиком.

Она могла бы погрузиться в приятную ароматную жидкость, понежить шкуру в чудесных восходящих волнах тающей терпкой карамели, а ведь ту специально заказывали у небольшой частной лавочки «Сладкие пальчики», заклады-

вавшей патоку не меньше чем на десять лет. Но нет.

Пока она находилась напротив, я спокойно мог разглядывать ее механику. Кроме гребня, замененного уже в Золотых Кронах, я заметил, что ей реставрировали шейные пластины, заменив на более подвижные, и тоже здесь: мне предлагали сделать такую пластику по сервисному договору, но я отказался, дождавшись следующего поколения обновлений и взяв вариант из лучшего металла. Вообще, модификация, выбранная этой драконицей, оказалась крайне неудачной, и согласиться на нее дракончик мог только в единственном случае – его собственная механика слишком сносилась, и менять пришлось, не разбираясь в качестве.

– Вы должны помочь Кейрре, – наконец процедила она, – и начать следует прямо сейчас.

Когда драконица произнесла имя девушки, у меня перед глазами встали сразу два противоречивых ее образа: дурнушки на тренажерах лечебной физкультуры и дремлющей в чае повелительницы стихии. Оба они, вспыхнув сперва отчетливо, через долю секунды сплелись в нечто усредненно-неразличимое, и я вернулся мыслями к себе.

– Почему я должен ей помочь? – мягко осведомился я. – Заметьте: я не отказал вам сейчас, хотя следовало бы, а лишь спросил о причинах, по которым, по вашему мнению, я должен помочь незнакомой мне девушке. Я понятия не имею об ее обстоятельствах: кто она, чем больна, почему спит в пустой маслянистой ликре и чего хочет от жизни. Пока един-

ственное, что мне достаточно понятно, – ваша хозяйка умело таскает моего хозяина за широко развешенные уши. И нам бы с вами, как взрослым состоявшимся личностям, поговорить напрямую. К чему я и предлагаю немедленно приступить.

– Кейрра неизлечимо больна. Родовая травма. Полгода назад ей сделали операцию, которая при большом везении поможет ей перебраться из коляски на костыли. Но все равно она никогда не сможет нормально ходить, и со временем ее спина будет становиться все хуже. К концу жизни она превратится в сложенную пополам старуху, испытывающую боль каждую секунду...

– Госпожа, давайте вернемся на одну реплику назад, – вежливо остановил я речь драконицы, – к тому месту, где я говорил, что мы с вами взрослые, все понимающие големы.

– Вы понимаете, что я честна, – холодно процедила моя визави.

– Я понимаю, что Кейрра даже не доживет до старости.

Проглотив мою реплику, драконица отвернулась на секунду, обдумывая ответ. Я обидел ее, я видел это, но я к этому моменту совершенно уверился в том, что иначе не мог поступить. Непонятные мне, но важные причины поступков тех, кто окружал моего хозяина, сейчас сплетались в странном и сложном клубке, и если я не хотел, чтобы одна из его ниточек обвернулась вокруг шеи Дейрана удавкой (я почему-то, возможно из прихоти, этого не хотел), мне следовало

начинать распутывать узлы, помогая себе зубами.

– Кейрра способна насыщать чай с помощью механики своих волос, – начала с другого бока драконица.

Я спорить с этим не стал, отметив:

– Но все же Кейрра явно великовата для чашки.

– Нет.

– Нет? – уточнил я, прокрутив в воображении живописную картину, предложенную драконицей, и заключил: – Знаете, когда кто-то, особенно еле ковыляющий инвалид, держит в твоей кружке кусок своей прически, то это не слишком приятное чаепитие.

Она вытерпела и это, не дрогнув ни единым механизмом, и, глядя мне прямо в глаза, припечатала:

– Нет, если речь идет о чаепитии големов Паровых Долин.

– Оу, – сказал я.

В этот момент мастер закончил с моей чисткой, быстро обсудил со мной комбинезончики, облачил в выбранный мной (темно-изумрудный с желто-золотой строчкой и ручной росписью в тон ткани, легко стирающийся), а остальные упаковал мне с собой.

Я грустно вздохнул, поняв, что теперь не смогу погрузиться в чай, и тихо пригласил туда свою гостью:

– Воспользуйтесь. Это знакомый всем нам полуферментированный «Полночный танец», произведенный, однако, в нестандартном регионе – у самого края Соленых Озер, где выдается по триста солнечных дней подряд. Я выбирал на

свой вкус, но думая о вашем комфорте.

Она поколебалась. Я остро чувствовал, что она много лет не испытывала этого благотворного чувства – магии погружения в чай и ощущения того, что наконец находишься там, где единственно должен. Для нее это ощущение было наверняка уже полузабытым, но таким же важным, как и для меня, и я не стал ее торопить.

Драконница мое приглашение приняла.

Она неспешно, как и следовало, заняла место в бульотке. Внимательно я следил за тем, как бирюзовая жидкость микрон за микроном принимает в себя шкуру этой целеустремленной, но глупой женщины. Я смотрел, как блик от лампы, мерцающий на поднятой погружением мелкой волне, отражается в ее изумрудных глазах. Грация истинной чайной драконницы, занимающей свое законное место, заставила меня на какое-то протянувшееся упоенное мгновение полностью раствориться воображением в ее силуэте, полуприкрытом вздымающейся вуалью ароматного пара. Испив этот визуальный напиток, я взобрался на ободок и устроился там, продемонстрировав прекрасно выстроенный баланс собственного идеального тела...

– Големы...

Когда ее голос начал звучать, я вздрогнул. Эта женщина – увечна. Я вспомнил это как-то неожиданно и только тут понял, что совершенно перестал держать это в голове. Моргнув лишний раз, я сосредоточился на ее словах. Итак, она только

что сказала «големы».

– ...Паровых Долин – перспективные клиенты для многих чайных компаний, желающих продвинуть культуру чая и разработать особенные сорта. А культура, прежде всего, подразумевает вкушение чая как церемонию, как часть философии. В нашем случае – философии и культуры Золотых Крон. Наш город, возможно, скоро придет в упадок и будет поглощен другими городами, другими заводами. Он больше не расширяется, он уходит в историю, но тем не менее это великий город, и мы можем нести его знания и его дух далеко в мир – в Паровые Долины, в Луну... всюду.

Сбросив с себя чары, только что мною овладевшие, и желая вернуть себе уверенность, я вкрадчиво задал вопрос:

– И девушка внутри чашки – простое и изящное решение, которое к тому же легко можно назвать рупором современной культуры, пронизанной тонкой иронией над вековыми традициями. Верно? Да и дешевле, чем целого большого дракона делать.

– Для Кейрры это огромный, если не единственный шанс жить полной жизнью, – сказала драконица, всей своей интонацией мерзенько давая мне ощутить свое превосходство.

– Даже если воспринять эту идею всерьез, Кейрра все еще механоид, – отметил я очевидное, – и для нее находиться внутри жидкости слишком долго попросту опасно, я уже не говорю о том, что в Золотых Кронах чай принято пить горячим. А опускание механоида в кипяток обычно называет-

ся убийством, что, как я смею заметить, далеко не синоним слова «чаепитие».

– У нас такой план, – приняла мою колкость и продолжила свое драконица с такой решительностью и уверенностью, что я понял, что меня подцепили на крючок живого интереса, и теперь я, к своему стыду, действительно хочу услышать, какой там у них план. – Нужно разработать методику, по которой чай, создаваемый для големов, будет, в том числе и с точки зрения температуры, безопасен для Кейрры. Одно чаепитие обычно занимает полтора или два часа, она легко может находиться в жидкости по шесть-восемь.

– Так, а что с составом чая? – спросил я с подозрением.

– Урегулируем в инструкциях, проведем сертификацию. Проект документации у меня готов, для «Полночного танца» или «Стальной поступи», как самых распространенных в мире сортов, сертификация, скорее всего, пройдет автоматически, для них существует широкий спектр клинических испытаний, нам просто нужно будет подать заявку. Кроме того, усовершенствуем ей запястные ликровые клапаны, поставим и настроим там датчики качества напитка. Проект у Дейрана тоже есть.

– Это в любом случае потребуется, раз пробовать чай на вкус она не сможет.

– Верно, – подхватила она, – хотя это не обязательно будет так, все еще возможны максимально общие сорта, одинаково безопасные и для механоидов, и для големов без допол-

нительных модификаций. Теперь насыщение.

– Да, – попросил я, внимательно следя за ее мыслью, – расскажите об этом поподробней, потому что одного только наличия механических волос в таком сложном вопросе, как поддержание в напитке всей глубины его естественного вкуса и взаимодействие с карамелями, асидами и добавками, подаваемыми через мельничку, явно недостаточно.

– Вот именно для этого вы так отчаянно нужны нам: Кейрре необходимо приучить волосы к выработке особенных для чайных дракончиков ликровых признаков, позволяющих поддерживать насыщенность чая.

– Отлично, то есть у нее нет этих признаков от рождения?

– Да. Но Дейран, благодаря Чаю, разработал особенный тип переходной ликры, которая могла бы не просто насыщаться от ваших родных ликровых признаков, но и «учить» им механику Кейрры. Мы проводили испытания.

– Патентовали? – быстро спросил я, и драконица наконец смутилась:

– Подали заявку, но нам отказали в принятии к рассмотрению из-за отсутствия лабораторных испытаний в сертифицированном помещении. С деньгами у нас, как вы видите, пока все довольно плохо.

– Зато с уверенностью у вас все хорошо, – поехидствовал я на предмет ее надежд. – И несертифицированную жидкость с неизученным механизмом действия вы готовы использовать на мне и на Кейрре, не думая о том, к каким дол-

гоиграющим последствиям для здоровья (я сейчас имею в виду, разумеется, прежде всего, свое здоровье) это приведет.

– Эта ликра не токсична, – заверила меня драконица, но я не поверил ей.

– Кейрра – очень милая, наверное, девушка, и у нее, конечно, прекрасные волосы, кажется, обворожительная улыбка (если она не показывает зубы) и, уж конечно, привлекательные при правильном освещении веснушки, но я не хочу и не буду ради нее рисковать собой.

– Ваш эгоцентризм не делает вам чести! – выпалила она, и я сразу как-то успокоился.

Поданная драконицей как оскорбление похвала моих профессиональных качеств пришлась словно смазка на шестеренки моей души, травмированные бездумной характеристикой Центра. «Шустрый!» «Добряк!» Растаяв, я уже чуть не сделал своей яростной собеседнице поблажку, но вовремя спохватился:

– А она любит чай? – тихо, вкрадчиво, почти мелодично поинтересовался я.

Драконица разозлилась, услышав вопрос. Я, очевидно, задел за живое.

– Она любит жить! Наблюдать за городом, заводить знакомства, смеяться и радоваться. Она мечтает путешествовать и дарить радость другим существам! Именно это и делает ее хорошим чайным дракончиком!

– Я вижу, что вы любите ее, и вы составили планы на ее

будущность, как прекрасный чайный букет: тут и мечты, и цели, и надежды – все есть, и все это способно заражать энтузиазмом других. Я вижу, что вы смелая женщина, способная действовать и бороться, и что вы любите эту бедную девушку. Поверьте, мечты прекрасны, но через культуру чая их никогда не сможет реализовать тот, кто сам чай не любит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.